

ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ

© 2003 Т.А. Фесенко

Тамбовский государственный университет

Целью данной статьи является анализ воззрений В. фон Гумбольдта на природу языка, мышления, искусства, а также интерпретативное изложение гумбольдтовской концепции с позиций семиотики, что оставалось в тени научных интересов современных исследований.

1. Еще раз о языке и мышлении.

Начальной основой нашей работы послужила теория В. фон Гумбольдта, тезисно изложенная им во фрагменте “О мышлении и речи” (1795/1796г.г.).

В первом тезисе автор постулирует, что различие между субъектом и объектом обусловлено, прежде всего, природой мышления, поскольку “сущность мышления заключается в рефлексии”, то есть в различии между “мыслящим” (“des Denkenden”) и “мыслимым” (von dem “Gedachten”).

Этот принцип эксплицируется затем в содержании последующих трех тезисов. Автор утверждает, что мышление в целом обусловлено синтезом в единое целое “только что рассмотренного”, элементы которого идентифицируются “посредством духа” и в зависимости от “потребности мысли” или разделяются или объединяются.

В контексте данных воззрений мысль являет собой “дискурсивную единицу”, противопоставляемую по отношению к мыслящему субъекту в качестве “порожденного им” образования.

В последующих тезисах [5] и [6] прослеживается поворот В. фон Гумбольдта от трансцендентальной философии к языку. Опираясь на содержание предыдущих тезисов, автор отмечает, что “ни одно мышление, даже самый чистый разум, не может осуществляться иначе, чем при помощи общих форм нашей чувственности; только

при их помощи мы можем его понять и одновременно удержать”.

Это утверждение служит, в свою очередь, основой для приводимого в тезисе [7] трансцендентально-философского определения языка: “Die sinnliche Bezeichnung der Einheiten nun, zu welchen gewisse Portionen des Denkens vereinigt werden, um als Theile andern Theilen eines groesseren Ganzen, als Objecte dem Subjecte gegenuebergestellt zu werden, heisst im weitesten Verstande des Wortes: Sprache” (“Чувственное обозначение единиц, в которые объединяются определенные порции мышления, чтобы в качестве одних частей противопоставляться другим частям одного большого целого, в качестве объекта – субъекту, является в самом широком понимании слова языком” - перевод наш. Т. Ф.)

Автор, на наш взгляд, опирается в своем определении языка на знаковую функцию слова, замечая, что слово как знаковое образование представляется “в духе мыслящего его объектом, его производным”.

Критерием возможной объективности заложенного в слове смысла может служить фактическое “объективирование” формы слова. Иначе говоря, сигнификант занимает по отношению к сигнификату главенствующее положение.

Согласно В. фон Гумбольдту, различие между “Ты” (=не “я”) и “Он” (=не “я”) может проявляться в различных сферах: “Ты” как субъект и одновременно как объект может восприниматься и распознаваться “Я” не только как “Он”, признавая при этом “свободную” спонтанность выбора.

Таким образом, опосредуются сферы “чистой” субъективности “Я” и “чистой” объективности “Он”. Из первоначально “монологического” субъекта трансцендентальной философии “развивается” диалог, в котором, собственно, формы нашего мыш-

ления приобретают свою объективную действительность.

Представляется обоснованным замечание исследователей, что гумбольдтовское понимание языка созвучно в принципе определению языка Фихте, приведенному им в его эссе “Von der Sprachfaehigkeit und dem Urspruenge der Sprache” (1795): “Sprache, im weitesten Sinne des Wortes, ist der Ausdruck unserer Gedanken durch willkuerliche Zeichen” (WW VIII:302).

В этой связи необходимо выделить, что язык, в понимании Фихте, выступает лишь “целесообразным опосредованием мышления; для В. фон Гумбольдта язык (и языковое мышление) является квинтэссенцией” всей его лингвофилософии.

Анализ тезисов В. фон Гумбольдта “О мышлении и речи” позволяет утверждать, что В. фон Гумбольдт опирается в своих исследованиях не только на концепции Фихте, но и Гердера (ссылка на которого, однако, не обнаруживается в его сочинении), о чем свидетельствует содержание тезиса [7]: “Die Sprache beginnt daher unmittelbar und sogleich mit dem ersten Act der Reflexion, und so wie der Mensch das Subject das Object verschlingt, zum Selbstbewusstseyn erwacht, so ist auch das Wort da – gleichsam der erste Anstoss, den sich der Mensch selbst gibt, ploetzlich still zu stehen, sich umzusehen und zu orientieren.” Именно рефлексия (“Reflexion”) выступает в теории Гумбольдта о языке понятием, опосредующим ее связь с концепцией Фихте и теорией о происхождении языка Гердера, согласно которой язык начинается с “первым актом рефлексии” (“Mit dem ersten Act der Reflexion”) и пробуждает самосознание человека из “затхлой чувственности”. Именно у Гердера впервые встречается слово “Seele” (“душа”), причем “душа” выступает не только “признаком рефлексии”, но и сама (по своей форме) является “отчужденной рефлексией”.

Можно утверждать, что эта комбинация идей обоих мыслителей позволяет В. фон Гумбольдту объединить в своей теории трансцендентальное и антропологическое толкование языка, и проблема знаковой функции языка становится центральной темой гумбольдтовского исследования, разъ-

яснению которой посвящена вторая часть анализируемого фрагмента (тезисы 8-16).

Содержание этих тезисов явно обнаруживает влияние на гумбольдтовские воззрения концепции Гердера, согласно которой рефлексия, обуславливающая выделение признаков, является логическим фундаментом при образовании знаков, “отчуждаемых” из такой центральной фигуры, как “элементы языка”.

Выделение элементарной формы артикуляции, регламентация, самопроизвольность и повторяемость звука позволили Гердеру заключить, что “регулярность” структуры древнееврейских глаголов (их “двусложность”) является, по сути, доказательством “первоначальности” и “человечности” языка причем, звук репрезентирует не только звучание (тон), но и все ощущаемое и воспринимаемое.

Вслед за Гердером В. фон Гумбольдт интерпретирует языковые знаки как “необходимые звуки” и развивает понятие “артикулируемого звука” в контексте разграничения “человеческого языка” от языка восприятия.

Необходимо подчеркнуть, что лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта носит, бесспорно, современный характер, доказательством чего служит гумбольдтовское высказывание об отличительных качествах “новой лингвофилософии и логики”: “Mit dem Begriff des Wirklichen unzertrennbar verbunden ist es, dass jede Erscheinung einzeln und fuer sich da steht, dass keine als Grund oder Folge von der anderen abhaengt. Denn nicht allein, dass eine solche Abhaengigkeit niemals wirklich angeschaut, immer nur durch Schluesse eingesehen werden kann, macht auch der Begriff des Wirklichen selbst das Aufsuchen derselben ueberfluessig. Die Erscheinung ist da: dies ist genug, jeden Zweifel zurueckzuweisen wozu braucht sie sich noch durch ihre Ursache oder ihre Wirkung zu rechtfertigen?” (WW II:128).

В. фон Гумбольдт определил понятийные рамки языковой функции и на собственный вопрос: “Что обуславливает способность предметов действительности служить материалом для мышления и восприятия?” дал однозначный ответ, что этим феноменом является “слово”: “Wort, [...] ein Wesen

einer durchaus eignen Natur, das insofern mit einem Kunstwerk Aehnlichkeit hat, als es durch eine sinnliche der Natur abgebornte Form eine Idee moeglich macht" (WW II:62).

Эту идею В. фон Гумбольдт излагает в письме к Шиллеру (сентябрь 1800 г.), подчеркивая, что только язык способен "быть не только знаком объекта (предмета), но и приблизить этот предмет к человеку в процессе интеллектуализации" (WW V:200). Под "интеллектуализацией" Гумбольдт понимает процесс "транспозиции объекта в мир возможностей", то есть его включение в сеть интенциональных связей, которая была бы невозможна без репрезентации объекта в "слове-знаке".

По Гумбольдту, слова выступают смысловыми знаками, благодаря которым мы "оформляем определенные порции нашего мышления". Иными словами, лишь в акте вербальной артикуляции синтезируется единица нашего мышления.

В. фон Гумбольдт постулирует функционирование языка как "знака" и как "выражения" одновременно, ибо слово, по его утверждению, не может служить лишь для выражения определенного предмета, поскольку "через слово" этот предмет "может быть представлен" самым различным образом. С другой стороны, слово не может быть лишь "знаком" независимо от него существующего объекта (предмета), так как оно обладает "собственным определенным чувственным образом". Следовательно, через сеть аналогий слово связано с другими элементами (единицами) языка. Данное наблюдение позволяет Гумбольдту рассматривать язык как "согласованный с мышлением медиум", в котором "объекты никогда не подвергаются изолированной обработке".

Итак, "семиотическое свойство" языка, по Гумбольдту, заключается в сетевой организации интенциональных связей, и каждый язык представляет собой "систему" со свойственной ей особой грамматической и лексической "организацией".

Рассматривая язык как продукт "естественной способности", В. фон Гумбольдт использует в своей теории для его характеристики понятие "организм", структура которого являет собой "систему элементов", где каждый получает свое определенное значе-

ние при употреблении его в "связной речи" (GS III:313). В. фон Гумбольдт, таким образом, предвосхищает концепцию и понятийную систему Ф. де Соссюра, которую женеvский лингвист сформулирует лишь спустя столетие.

В речи (parole) изложение объективного содержания коррелируется с субъективной перспективой его толкования. Исходя из этой функции речи (parole), В. фон Гумбольдт приходит к своему знаменитому положению, послужившему основой его академической лекции "Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung" (1820 г.): различие языков обусловлено не различием звуков и знаков, но "различием мировоззрений". (WW III:20).

В изложении В. фон Гумбольдта впервые набрасывается основной аспект сравнительного языкознания – сравнение полных и системных описаний фонологических, морфологических, синтаксических и лексических структур каждого отдельного этноязыка. В упомянутой выше академической лекции Гумбольдта впервые встречается его известная формула, ставшая, по сути, лейтмотивом всей гумбольдтовской лингвофилософии: "Язык есть орган, образующий мысль" ("Die Sprache ist das bildende Organ des Gedankens") (GS V:374). Научный анализ, методически направленный против конструкторов универсальной грамматики, приводит ученого к философской проблеме взаимосвязи языка и мышления.

Гумбольдтовское определение языка как "органической структуры" имело, бесспорно, новаторский характер по сравнению с концепцией Гердера и послужило (прагматической основой) для однозначного разграничения языка ("langue") и речи ("parole"): "Der Organismus der Sprachen entspringt aus dem allgemeinen Vermoegen und Beduerfnis des Menschen zu reden, und stammt von der ganzen Nation her; die Cultur einer einzelnen haengt von besondren Anlagen und Schicksalen ab und beruht grossentheils auf nach und nach in der Nation aufstehenden Individuen" (WW III:61).

Центральная идея гумбольдтовской концепции языка заключается в обосновании четвертого "закона природы" (первые

три закона – от “выделения рода до образования наций” – впервые были выделены и описаны, как известно, Гердером), согласно которому языковое различие служит важнейшим антропологическим средством формирования рода. И хотя каждый человек “заново создает” свой собственный язык, но в “рамках семьи племени” (и так далее) лишь язык “способствует социальной организации рода”. Иными словами, отраженный в знаках индивидуального языка опыт аккумулируется в социальных системах человеческого рода: в общественной коммуникации язык становится “надындивидуальным медиумом”, от дальнейшего развития которого зависит состояние как отдельной группы индивидов, так и целого рода. “Коммуникативным средством” языка (то есть его “медиумом”), по Гумбольдту, служит речь (“parole”), которая всегда предполагает наличие определенной языковой системы (“langue”), “организма”, как бы “приписанного” конкретной надындивидуальной организации как прагматическому субъекту. В концепции Гумбольдта “последней ступенью” такой социальной организации является “нация”.

Напрашивается вывод, что комбинация трансцендентально-философских и гердеровских “мотивов” послужила основой гумбольдтовской концепции разграничения национальных языков.

Но вернемся к упомянутой выше формуле: “Язык есть орган, образующий мысль”. Согласно гумбольдтовским воззрениям, мысль не образуется раньше своей “языковой артикуляции”. Если “мыслимое” (мышление) рассматривать вне его вербальной формы, то оно “представляется совершенно неопределенным, смутным, проходящим бесследно”.

Язык, в свою очередь, образуется тогда, когда в него “включается” мысль, то есть когда мы начинаем “думать и говорить”. Этому этапу всегда предшествуют “чувственно воспринимаемые артикуляции” или “внешние формы”, позволяющие мышлению различать “внутренние формы”.

Гумбольдт подчеркивает, что сущность артикуляции обуславливается не услышанными или произнесенными звуками, но “за-

ключенными в ней намерениями и способностями к выражению значения”.

Опираясь на положение, что в реализации каждого высказывания мышление и язык существуют как “единое и неотделимое друг от друга” (GS VI:152), нельзя, тем не менее, прийти к однозначному заключению о неизменном характере единства звука и значения, ибо реализация действительности в языке носит всегда временный характер, иллюстрацией чему могут служить следующие рассуждения автора.

Каждый речевой акт являет собой своеобразную реакцию на предшествующую речь и носит характер “оформленной речи”, то есть “содержащих значение артикулируемых звуков”. По утверждению В. фон Гумбольдта, совокупность этой “оформленной речи” является своего рода “независимой силой”, противостоять которой человек не может, поскольку “человек говорит не потому, что он хочет так говорить, а потому что так говорить он должен” (GSVI:127), ибо, если он хочет быть понятым, то и говорить он должен “таким же образом, каким бы разговаривали с ним”. Иными словами, каждый “привязан” к тому способу речи, “в котором формируется его мышление”.

2. О языке, знаке и действительности

Восприятие и понимание каждого человека носит индивидуальный характер, поэтому, как замечает далее В. фон Гумбольдт, человек должен “модифицировать” – и “мысленно”, и вербально – полученную “оформленную речь” (можно предположить, что “молча”, опираясь лишь на ментальные конструкты, человек анализирует полученное высказывание иначе, чем вербальным способом). Складывается своеобразная цепочка, и настоящее высказывание соответствует, с одной стороны, предшествующему, являясь, с другой стороны, “мерилом” будущего высказывания. Следовательно, иерархическая упорядоченность “внутреннего” и “внешнего” разрешается во временной последовательности. Слово, таким образом, не приносится в жертву “идеи”, но служит, образно говоря, тягловой силой для “духа”. Под гнетом “свободной работы духа” примат действительности “уступает место высказыванию”, то есть действитель-

ность, меняя свое местоположение, находится перед нами (но не в нас как раз и навсегда данное) как постоянная “задача преобразующего представления через отчужденные нашего восприятия”.

“Свободная работа духа” заключается в непрерывном формировании мышления на основе “продуманного высказывания”, что составляет, по Гумбольдту, “форму” каждого отдельного языка. В научном понимании эта “форма” предстает у Гумбольдта “бестелесным бытием мысли”. Однако при помощи научных дефиниций В. фон Гумбольдту не удается дать четкое определение и объяснение сущности языка, поэтому он ограничивается тем, что различные языки называет “индивидуальностями”, а единство их явлений интерпретирует как “их характер, отличающийся постоянством”.

Действительная форма языка предстает перед исследователем “самоорганизующимся единством”. В этом новом понятии формы сходятся во времени как “внешнее” и “внутреннее”; таким образом, идея “внутренней формы” языка выделяется ученым как приоритетная. Строго говоря, речь при этом идет не столько о понятии, как справедливо отметил В. Порциг, сколько об идее (вернее, о задаче). Постановка этой задачи определила, по сути, рождение языкознания как самостоятельной гуманитарной науки (Porzig 1923:150).

В круг задач нашей статьи не входит детальное изучение всех концепций от Г. Штейнтала до Н. Хомского, от Дельбрюка до Косериу, содержащих целый спектр формул для выражения внутренней формы языка, поэтому мы ограничимся замечанием, что “внутренняя форма” языка выступает в роли конструирующего принципа языка в целом, она первична и независима при выполнении своей нормирующей функции, в то время как “внешняя форма” зависима от нее и с ней согласуема.

Необходимо заметить, что термин “внутренняя форма” встречается у В. фон Гумбольдта лишь в его известном “Einleitung zum Kawi-Werk”, причем, без какой-либо интерпретации. Впервые это понятие “внутренней формы языка” как центральное в гумбольдтовской концепции было выделено и введено затем в научную дискуссию

Г. Штейнталем, который видел свою задачу издателя трудов В. фон Гумбольдта не в пояснении его “нечетких” мыслей, но в их обосновании и развитии.

В поздних исследованиях наследия В. фон Гумбольдта (G. Stoetzel, T. Borsche, Ch. Stetter, H.-W. Scharf, L. Jaeger и др.) отмечается, что понятие “внутренняя форма языка” используется Гумбольдтом в качестве противоположного понятию “внешней формы языка”, причем обе формы рассматриваются автором как один из аспектов “общей формы” языка, определяемой им как “интеллектуальная деятельность” человека, “интеллектуальной частью” которой (“intellectueller Theil”) выступает “внутренняя форма” языка.

Необходимо выделить, что это понятие интерпретируется ученым отнюдь не в качестве “идеальной нормы” для реализации во внешнем звуке, но как “момент реализованной речи”, ибо, говоря другими словами, лишь при овнешнении внутренняя языковая форма получает свою определенность.

В пересечении “внутреннего” и “внешнего” проявляется аналогия языка и “организма”.

Организм как “естественный индивид” принадлежит к “естественному роду” и стремится исполнять “законы своего рода”. Язык также является “духовной индивидуальностью”, откуда следует, что различие языков отрицает их виды и классы, но признает лишь многочисленные возможные ступени их “индивидуализации”. В силу этих рассуждений логичным представляется требование В. фон Гумбольдта представлять язык при анализе его характера и форм как “организм” (но не “механизм”), ибо язык, в его понимании, - это не столько природное явление, сколько феномен “духа”, и в понимании языка “заключается его целесообразность”.

Понятие “аналогия” является достаточно важным в языковой концепции В. фон Гумбольдта. В письме к Фр. Шиллеру (1800 г.) Гумбольдт отмечает, что язык “uebt aber auf die Art unseres Denkens einen andren gleich wichtigen Einfluss aus. Die Analogie ihrer Bildung, die sie eigentlich zu einer Sprache und zu dieser oder jener bestimmten macht, verbindet jeden einzelnen Theil in ihr

aufs festeste mit allen uebrigen, und denken wir uns dieselbe sehr gross, oder nehmen wir unsern Sinn fuer sie sehr geschaerft an, so wirkt der Theil gerade, ebenso auf uns, als das Ganze” (WW V:196). Гумбольдт утверждает, что “все в языке основывается на аналогии, и его строение, вплоть до своей мельчайшей части, является органическим строением” (WW III:295).

Гумбольдтом неоднократно подчеркивается, что язык – это не механизм, и не “хаос из слов и правил”, но органическое целое, в котором каждый отдельный элемент внутренне связан с другими и “проявляет себя лишь как часть одного целого”.

Однако картина “единого организма” была бы неполной без указания той причинной связи, которая соединяет все “его части”, то есть без аналогии. Гумбольдт рассматривает аналогию, с одной стороны, в духе старой грамматической традиции как отношение/связь, а с другой – как одну из структур внутриязыковых отношений, своеобразного “гаранта взаимосвязи” всех составных частей языка. Структура языка, таким образом, состоит из “общности аналогичных отношений”, объединяющих между собой языковые элементы, которые, собственно, принадлежат данному языку лишь в силу того, что объединены между собой посредством аналогии.

Аналогия свойственна не только отдельным языковым уровням (например, грамматическая аналогия); это, скорее, принцип, регулирующий всю структуру языка и обеспечивающий “внутреннюю гармонию языка”.

Следовательно, существование языка невозможно без аналогии: она не только обуславливает органичную целостность языка, но и придает ему индивидуальность.

В этой связи важным представляется метафорическое высказывание В. фон Гумбольдта о языке как “сотканном из аналогий полотне”. Чтобы “раскрыть” эту метафору и объяснить существование аналогичной связи внутри языка, необходимо, на наш взгляд, еще раз уточнить, в чем, по Гумбольдту, заключается сущность языка?

При рассмотрении познавательной функции аналогий Гумбольдт не выходит за рамки существующей от Аристотеля до

Канта традиции, согласно которой аналогия трактуется как способ интерпретации мира, как начальная ступень любого познавательного процесса.

Но как познается мир через аналогию, и в каком смысле можно утверждать, что она является потребностью человеческого духа?

По Гумбольдту, в самой природе человека уже заложена потребность к аналогичной интерпретации мира, то есть к поиску отношений (связей) между различными объектами, поскольку наше мышление “be-handelt nie einen Gegenstand isoliert, und braucht ihn nie in dem Ganzen seiner Realitaet”, оно “воссоздает отношения, обстоятельства, взгляды и связывает их” (GS III:170). Это стремление к соединению “бесчисленного множества отдельных и бессвязных явлений в неразделимое единство и организованное целое” (GS II:128) является важным мотивом интеллектуальной деятельности человека. Именно общность аналогий, интуитивно распознаваемых человеком в массе явлений и предметов, образует первую гипотетическую организацию мира, поскольку, как замечает в своей “Метафизике” Аристотель, созданное путем аналогии единство существенно отличается от единства, образованного с помощью априорных идей, ибо аналогия “не скрывает” различия в пользу идентичности.

Аналогичная организация имеет гипотетический характер в силу своей способности к постоянной модификации. Язык, по Гумбольдту, является ничем иным, как кристаллизованным вариантом аналогичной организации действительности. Так как в результате “взаимопроникновения” мышления и языка внутренняя структура в своей чувственной форме содержит аналогичную связь, поэтому она трактуется Гумбольдтом как “сотканное из аналогий полотно”.

Согласно гумбольдтовским воззрениям, язык не создавался постепенно, по частям, но был образован сразу как целое: “Es kann auch die Sprache nicht anders, als auf einmal entstehen, oder um es genauer auszudruecken, sie muss in jedem Augenblick ihres Daseyns dasjenige besitzen, was sie zu einem Ganzen macht” (GS IV : 3). Иными словами, в “каждое мгновение своего бытия” язык должен

включать аналогию, которая самым прочным образом соединяет все его элементы.

По своей природе аналогия носит динамический характер и регулирует дальнейшее оформление языка: “Die Erweiterung der Begriffe und der Sprachen muss darauf leiten, neue Gegenstaende zu bezeichnen und das Verfahren des Geistes bei der Bildung und das ihrer Begriffe in die Sprachen ueberzufuehren” (GS VII:319).

В самой природе человека, по Гумбольдту, заложено стремление “расширять язык по его общей аналогии”, включая каждый новый элемент в существующую “аналогичную сеть”, что обуславливает “единство языка, вытекающую из его особой индивидуальности”. Без такого единства существование ни одного языка не было бы возможным, “und so wie die Menschen sprechen, fassen sie notwendig ihr Sprechen in eine solche Einheit zusammen” (ibid VII:278). Логичным представляется заключение, к которому приходит В. фон Гумбольдт, что сам язык не допускает включения чего-либо произвольного, не соответствующего его “структуре аналогий”.

Итак, аналогия – это “встроенная” во внутреннюю структуру языка связь, которая после “расширения” языковой структуры “заново восстанавливается” с целью дальнейшего сохранения единства языка.

Помимо аналогии, обеспечивающей “органическое целое языка” функционируют, как отмечают старые грамматики, законы “аномалии”, репрезентирующиеся в “неорганической массе языка”, которую составляют элементы, заимствованные из других языков, структурированные по их аналогии и посему не обнаруживающие связи со структурой своего “нового” языка.

Итак, если аналогия “возникает из внутреннего мира языка”, то аномалия – из внешнего мира, так как “без внешнего влияния появление исключений невозможно” (GS VI:429).

Аналогия, следовательно, является базовым “феноменом языка”, в то время как аномалия – лишь одним из ее аспектов, когда аналогия “переносится” из одной языковой структуры в “мир другого языка”.

Можно предположить, что собственное языковое мышление Гумбольдта “начинает-

ся” с критики им традиционного семиотического понимания языка.

В его раннем произведении “Ueber Goethes Herrmann und Dorothea” (1798) встречается еще утверждение, что язык – это “орган человека”, который “обеспечивает понимание и все преобразует в общие понятия”. Язык “противостоит” искусству как “зеркалу мира”, и поэтическое творчество, вымысел призваны преодолеть это противопоставление (GS II:158).

Двумя годами позже, в письме к Фр. Шиллеру (1800 г.) Гумбольдт замечает, что именно язык является “одновременно творением человека и выражением мира” (“zugleich Werk des Menschen und Ausdruck der Welt”), в то время как поэтическое творчество – одним из важных способов использования языка (Seidel 1962, II:209).

“Непроизвольность” знаков обусловлена “внутренней потребностью”, и человек как “мыслящее существо” создал “den vorher nie rein gedachten Begriff in einem Wort” (GS VII:596).

Строго говоря, речь здесь идет о трех семиотических единицах: знаке, символе (картине) и – в промежуточной позиции между ними – слове.

Все три единицы обладают свойством оформлять отношения между выражением и содержанием, но их различие заключается в том, что они репрезентируют совершенно различные отношения между выражением и содержанием: если в знаке содержание и выражение не зависят друг от друга, то в языке “синтезируются” слово и понятие (то есть выражение и содержание), причем, как отмечал В. фон Гумбольдт, синтез выражения и содержания в языке отличается от их синтеза в символе (“картине”): если в языке выражение и содержание продолжают оставаться «различимыми», то в символе оба эти уровня “сливаются” и “растворяются”.

В силу “промежуточного” положения слова между символом (“картиной”) и знаком при его употреблении может превалировать то одна, то другая сторона.

Проблемы семиотики, бесспорно, находят отражение в концепции В фон Гумбольдта, хотя он нигде не приводит точного определения понятия “знак”. Своей целью, как представляется, он ставил не развитие

знаковой теории, но исследование теоретических проблем познания мира, или, его словами, “преобразование мира в собственность духа” (GS IV:420), уточняя функции языка и искусства в этом процессе.

В контексте вышесказанного перспективным представляется проследить трансформацию его научных воззрений о языке как знаке в более позднее, “транссемиотическое понимание” этих проблем, которое, по справедливому замечанию Й. Трабанта, “gerade einer avancierten semiotischen Theorie modernen Zuschnitts entspricht” (Trabant 1973:253), несмотря на свою “антисемиотическую” тенденцию.

Гумбольдтовская “знаковая теория” впервые репрезентируется в тезисах упоминаемого выше сочинения “О мышлении и речи”, где понятие “знак” используется автором в тесной связи с языком.

По сравнению с поздними лингвофилософскими трудами В. фон Гумбольдта эти тезисы можно отнести к его “незрелым” исследованиям, поскольку в них отражена “односторонняя модель языковых знаков”: слово имеет в своем составе лишь звуковой компонент с его “референциальными отношениями к внеязыковым объектам”, к которым наряду с реальными предметами относятся также абстрактные понятия, что в корне противоречит поздним воззрениям ученого.

В своем сочинении “Схема искусств” (“Schema der Kuenste”, 1797 г) В. фон Гумбольдт приводит вариант классификации различных видов искусства, а именно – пластического и графического искусства, которые “порождают тела” или “картины”, а также поэзию и пантомиму, продуцирующие лишь знаки, на основании которых можно “составить чувственный объект”.

Знаки, таким образом, представляют собой отдельные, несовпадающие во времени и пространстве элементы, которые лишь в сумме “составляют предмет искусства”.

В плане поэзии Гумбольдтом выделяются “слышимые знаки” (то есть язык), а в пантомиме и пр. – “видимые знаки” (то есть жесты, ужимки и пр.).

Релевантным для нашей работы представляется тот факт, что в этом сочинении В. фон Гумбольдт впервые дискутирует ба-

зисную для семиотики проблему о взаимоотношении искусства и действительности. Является ли произведение искусства отражением природы? Изображает ли оно реальность, подражая ей, или “имеет указание” на что-то иное, чем реальная действительность?

В. фон Гумбольдт возвращается к детальному обсуждению этих проблем в своем сочинении “Aesthetische Versuche, Erster Teil. Ueber Goethes Herrmann und Dorothea” (GS II:113-323), созданному в 1797-1798 г.г.

Согласно предложенной им “схеме искусств”, каждый вид искусств несет в себе “уничтожение природы как действительности и ее воспроизведение как продукта силы воображения” (GS VII:584).

Задача искусства, таким образом, заключается в “превращении действительности в картину” (GS II:126), при этом изображаемый предмет претерпевает “изменение своей сути и поднимается на другой уровень” (ibid:128), иными словами, он “идеализируется”: художник “освобождает природу из тисков действительности” и переводит ее “в страну идей”, преобразуя, таким образом, “свою индивидуальность в идеалы” (ibid:132).

Уточняя этот процесс “идеализации”, В. фон Гумбольдт пишет, что идеалом называется “изображение идеи в индивидууме”, от которого требуется “своеобразие без односторонности”. При этом “eine solche erhalten wir nicht anders, als indem wir alles, was einem gewissen Charakter (der jeder idealischen Figur immer zum Grunde liegen muss) wesentlich ist, zusammennehmen, alles hingegen, was er nur zufaellig an sich traegt, davon absondern” (GS II:138 f).

Произведение искусства не ограничивается “простым” отображением природы; оно превосходит действительность, поскольку “изображает всегда только сущность реальных предметов”.

Произведение искусства отличается двойственным характером: с одной стороны, действительность преобразуется в нем, но с другой – эта действительность составляет его основу как “чувственно воспринимаемая практическая область”, поэтому произведение искусства является одновременно “подражанием и идеализированным

преобразованием природы”. Важная роль отводится В. фон Гумбольдтом при исследовании проблемы “действительность – изобразительное искусство (картина) – язык” так называемому “понимающему восприятию” картины, отнюдь не складывающемуся из последовательного осмотра линий, точек, красок” и пр.

По замечанию Гумбольдта, эстетически значимым становится момент, когда картина, фигурально выражаясь, начинает “разговаривать с нами”. Это происходит после “продолжительного изучения картины”, в результате своеобразной “медитации с картиной”; этот момент – как озарение, как “сжатое пространство”, как “точка восприятия”.

Гумбольдт подчеркивает, что эта “точка” находится в “сжатом пространстве”, которое, в свою очередь, заключено в ней; в этой своеобразной “призме” “концентрируется” как “универсум” картина. Данный “эстетический пункт” (“момент”) не выделяется среди других “незримых” моментов, и его “зримо-незримая суть” определяет общую “пунктуацию картины”.

Этот эстетический пункт, по мнению В. фон Гумбольдта, сравним с “гласной среди согласных умолкнувшего словаря, олицетворяющего картину”. Выражаясь фигурально, “эстетический пункт” - это “смолкнувшее слово”.

В контексте вышесказанного представляется, на наш взгляд, допустимым сравнить “понимание художественного произведения” (“картины”) с пониманием предложения (высказывания). Процесс образования символов в языке сродни искусству, где живая речь (высказывание) имеет аналогию с музыкой, а письменная речь (письмо) – с картиной.

Если в языке действительность присутствует, то в искусстве она репрезентируется. Следовательно, в языке искусства, репрезентирующем действительность, раскрывается искусство языка репрезентировать эту действительность.

Подытоживая рассмотрение эстетической концепции В. фон Гумбольдта в рамках семиотики, можно сделать следующий вывод:

Язык искусства интерпретируется ученым как своеобразное подражание искусству языка, копирование теоретического опыта образования “языковых символов”.

Проблема языка и знака остается релевантной в поздних трудах В. фон Гумбольдта, где знаковый характер языка трактуется им, однако, как “основное заблуждение”, поскольку слова рассматриваются как “простые знаки”. Необходимо уточнить, что Гумбольдт в данный период придерживается “двусторонней модели языка”, согласно которой слово включает два компонента: звук и содержание. Поэтому знаковые отношения рассматриваются ученым не как экстраязыковая референция звука на внешние предметы, но как “внутрисловесные отношения”, при которых содержание и звук соотносятся как компоненты одного слова.

Язык, таким образом, рассматривается Гумбольдтом в поздних трудах как знаковая система, но в то же время он для него больше, чем просто “знак”.

Знаком язык является постольку, поскольку, как упоминалось выше, звучание референту в слове к содержанию, а также потому, что язык представляет собой не только “картину, отображение”, но это, в определенной степени – также “плод самовольности говорящего”, и в качестве такового он следует семиологическому принципу произвольности.

С другой стороны, язык – это не просто знак, поскольку языку несвойственна полная произвольность, и в некотором роде он “детерминируется как обозначаемым объектом”, так и специфическим мировоззрением “познающего субъекта”.

Итак, изучение ранних и поздних произведений В. фон Гумбольдта с позиций семиологической теории позволяет нам интерпретировать его концепцию как “транссемиотическую”, что подтверждается, на наш взгляд, гумбольдтовской теоремой о слове как “двусторонней содержательно-звуковой единице”, образующейся путем синтеза “внешней и внутренней языковой формы”, его концепцией фонологической системы, а также его поздними теоретическими разработками, согласно которым “слово находится в синтагматических и парадигматических отношениях с другими

словами”, и содержание слова детерминируется этими отношениями.

Что касается связи гумбольдтовской концепции с современной семиотикой, то представляется возможным (абстрагируясь от терминологии) указать на определенную схожесть позиций В. фон Гумбольдта и Ч. С. Пирса.

Это проявляется, в частности, в утверждении о том, что конститутивными для процесса мышления являются три фактора: “мыслящий субъект”, “объект” мышления и язык (“знак”) как “медиум мышления”.

Сопоставимым с моделью семиозиса Ч.С. Пирса представляется тезис Гумбольдта о языке как “энергейи”, где подчеркивается процессуальный характер конститутивности значения.

Наши рассуждения носят гипотетический характер и, бесспорно, нуждаются в дальнейшей разработке, возможной основой для которой является заключение, что, на наш взгляд, концепции В. фон Гумбольдта и Ч. С. Пирса объединяет их коренное расхождение с теорией познания Канта и их постулат о языке (об употреблении знака) как трансцендентальном априори познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fichte H. G. Werke. Hg. J. H. Fichte. Berlin 1971. (Zitiert als :WW)
2. Herder J. G. Abhandlung ueber den Ursprung der Sprache. Muenchen, 1978. – 218 s.
3. Humboldt W. von. Gesammelte Schriften, 17 Bde. HG. Von A. Leitzmann u.a. Berlin 1903-1936 (Nachdruck 1968. Zitiert als:GS)
4. Humboldt W. von. Werke in fuenf Baenden. Hg. von A. Flitner u. K. Giel. Darmstadt 1960-1981 (Zitiert als:WW)
5. Porzig W Der Begriff der inneren Sprachform//Indogermanische Forschungen 41, s. 150-169
6. Seidel S. (Hg.) Der Briefwechsel zwischen Fr. Schiller und W. von Humboldt. 2 Bde. Berlin.1962.
7. Trabant J. Ideelle Bezeichnung. Steinthals Humboldt-Kritik//Eschbach/Trabant (Hg.). Berlin 1983, s.251-276.
8. Weisgerber L. Das Problem der inneren Sprachform und seine Bedeutung fuer die deutsche Sprache// Germanisch-Romanische Monatsschrift 14, s. 241-256.